

В. Г. ЛУКЬЯНОВ,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

**СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР:
ИЗ НАСЛЕДИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ**

Своеобразие русской духовности, русско-го сознания и самосознания было в центре теоретических поисков религиозных мыслителей. На наш взгляд, условно можно выделить два аспекта рассмотрения ими данной проблемы в контексте диалога культур: внутренний и внешний. *Внутренний аспект* связан с осмыслением истории взаимодействия культур в рамках нашего полиэтнического общества. Как отмечал И. А. Ильин, не всякому народу удастся «выносить самостоятельный духовный акт и создать самобытную духовную культуру». Народы, которым это

удалось, по его мнению, — «духовно *ведущие* народы» (в отличие от тех, которым это не удалось — «духовно *ведомых* народов»). Задача ведущего народа заключается в том, чтобы дать возможность «*приобщиться к духовному акту и к духовной культуре*» народам ведомым, которые получают от него «творческое оплодотворение и оживление». В этом случае ведомые народы «находят свою родину в лоне ведущего народа и, не теряя своей исторической и биологической «национальности», вливается духовно в национальность ведущего». И это означает, что «*ведущему народу удалось*

выработать национальный акт такой ширины и гибкости, а может быть и глубины, что он образует для введомых народов как бы родовое духовное лоно, которое они могут видоизменять по-своему, оплодотворяя и оживляя из него свою духовную жизнь».

Данная концепция Ильина оказывается чрезвычайно актуальной для нашей многонациональной страны, объединяющей более ста наций и народностей. Действительно, на протяжении столетий российская культура была «духовным лоном» для диалога многочисленных народов и культур, принимавших участие в формировании единой российской культуры. Специально подчеркнем, что религиозные мыслители пытались осмыслить особенности диалога культур не только в истории нашей страны, но и в будущей России, в России посткоммунистической. Важнейшей задачей будущей России Г. П. Федотов считал работу над «новым национальным сознанием», которое «должно быть одновременно великорусским, русским и российским». Такая постановка вопроса («от русского — к российскому») связана с тем, что «Россия — не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси». Россия должна дать образец, форму мирного сотрудничества народов «не под гнетом, а под водительством великой нации»: новое сознание должно вобрать в себя все то, что «в них ценно, что вечно, что может найти свое место в системе вселенской культуры». Всякое дело, творимое малым народом, как бы скромно оно ни было, всякое малое слово «должны вложить в русскую славу, в дело России», отмечал Г. П. Федотов.

Вместе с тем диалог культур внутри России следует рассматривать в тесной связи с диалогом культур в контексте Запад — Россия — Восток (*внешний аспект рассмотрения*). Поэтому при определении самобытности русской культуры, ее своеобразия отечественные религиозные философы не могли обойти стороной проблематику, поставленную западниками и славянофилами. В связи с этим Н. А. Бердяев, например, отмечал, что русское самосознание не может быть ни славянофильским, ни западным, так как обе эти формы означают «несовершеннолетие русского народа, его незрелость для жизни мировой, для мировой роли». Россия должна сознавать себя «Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем». По мысли Бердяева, «мы уже не славянофилы и не западники, ибо мы живем в небывалом мировом круговороте и от нас требуется неизмеримо больше, чем от наших отцов и дедов»; «мы уже вступаем в тот возраст нашего бытия, когда время нам уже выйти из детского

западничества и детского славянофильства, когда мы должны перейти к более зрелым формам национального самосознания». Западничество — заблуждение детского возраста, и оно находится в противоречии с мировыми задачами России. Шаблоны западной мысли так же непригодны для постижения смысла мировых событий, как и шаблоны старославянской мысли. Историческая эпоха, в которую мы вступаем, требует «органического соединения национального сознания с сознанием универсальным, то есть определения мирового призвания национальностей», отмечал Н. А. Бердяев.

Г. П. Федотов, касаясь этой проблемы, подчеркивал, что Русь возникла на периферии двух культурных миров: Востока и Запада. Ее отношения с Востоком и Западом складывались весьма сложно: в борьбе на оба фронта, против «латинства» и против «поганства» («Русь знала Восток в двух обликах: «поганом» — языческом — и православном»), и она искала союзников то в том, то в другом. Русь утверждала своеобразие, чаще подразумевая под ним свое православно-византийское наследие (последнее тоже было сложным). Византийское православие было, конечно, «ориентализированным христианством», однако прежде всего оно было христианством. Кроме того, это христианство опиралось на значительную долю греко-римской традиции. Поэтому и религия, и эта традиция «роднили Русь с христианским Западом даже тогда, когда она не хотела и слышать об этом родстве». Кроме того, необычайный расцвет русской культуры в новое время оказался возможным лишь благодаря творческому освоению культуры Запада. Правда, при этом «уродств и деформаций было немало». Однако из галлицизмов XVIII в. вырос А. С. Пушкин; из варварства 1860-х гг. — Л. Н. Толстой, М. П. Мусоргский и В. О. Ключевский. Значит, «за ориентализмом московского типа лежали нетронутыми древние пласты Киево-Новгородской Руси, и в них легко и свободно совершался обмен духовных веществ с христианским Западом». В связи с этим же С. Л. Франк отмечал сильное, глубокое и плодотворное воздействие на «русский дух» немецкой мистики, метафизики и философской поэзии.

По Федотову, в тысячелетней истории России явственно различаются «четыре формы развития основной русской темы: Запад — Восток». В начале в Киеве мы видим Русь свободно воспринимающей культурные воздействия Византии, Запада и Востока. Время монгольского ига есть «время искусственной изоляции и мучительного выбора между Западом и Востоком (Литва и Орда)». Москва представляется государством и обществом

«существенно восточного типа», который, однако же, скоро (в XVII в.) «начинает искать сближения с Западом». Новая эпоха — от Петра до Ленина — представляет собой, разумеется, «торжество западной цивилизации на территории Российской империи».

Полная драматизма и трагедий история нашего Отечества («одна из самых мучительных историй», по Бердяеву) наложила неизгладимый отпечаток на русское самосознание. Бердяев различает не четыре, а пять периодов русской истории, которые дают «разные образы»: Россия киевская (она «не была замкнута от Запада, была восприимчивее и свободнее, чем Московское царство, в удушливой атмосфере которого угасла даже святость»); Россия времен татарского ига («общепринято мнение, что татарское иго имело роковое влияние на русскую историю и отбросило русский народ назад»); Россия московская («московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу...»), Россия петровская («был лучше и значительнее дуалистический, раскольничий петербургский период, в котором наиболее раскрылся творческий гений русского народа») и Россия советская. И возможно, пишет он, что «будет еще новая Россия». Данный прогноз Бердяева оказался верным.

В связи с этим же В. В. Зеньковский подчеркивал, что сама постановка проблемы «Россия–Запад» означает *«историческую и духовную неотрывность нашу от Запада»*. Поэтому радикальное антизападничество «неверно и неосуществимо», с одной стороны, а с другой — невозможно и исторически бесплодно «элементаризирующее западничество». С его точки зрения, «ни отделить Россию от Запада, ни просто включить ее в систему западной культуры и истории одинаково не удастся... Видимо, не готова к этому ни историческая почва, ни внутреннее состояние русского духа, в котором не умножают, а скорее ярче и резче звучат диссонансы». Кроме того, как отмечал Г. П. Федотов, «худо мерить Европу на русский аршин, еще хуже мерить Россию на аршин Европы. Думается, что из смешения этих мерок оценки возникают все наши внутренние недоразумения».

Представляется, что размышления русских религиозных мыслителей оказываются весьма актуальными для современной России, которая ищет свой путь в современном мире. При этом важно осознавать, — на это фактически и указывали религиозные мыслители — что российское общество принадлежит иной цивилизации, отличной от западноевропейской.